

Могут ли Теноры Несталоцуци

Книга для матерей

Педагогика детства

Иоганн Генрих Песталоцци
Книга для матерей. Избранное

«Карпуз»

2009

УДК 370
ББК 74. 03(3)

Песталоцци И.

Книга для матерей. Избранное / И. Песталоцци — «Карапуз»,
2009 — (Педагогика детства)

В книге представлены произведения прославленного швейцарского педагога и великого энтузиаста И.Г. Песталоцци. Идея раннего гармонического развития личности, сформулированная им и ставшая основой его метода, предполагает начало обучения с самого рождения: мать воспитывает ребенка так, чтобы раскрылись способности, данные ему природой. Мечтой Песталоцци было создание школы для бедных детей, в которой они могли бы получить трудовые навыки, развить в себе лучшие человеческие качества и овладеть необходимыми знаниями. Песталоцци умер, не осуществив свою мечту. Его след в истории оказался куда более значительным: метод, разработке и распространению которого он посвятил себя, заложен в основу современной педагогики. Для педагогов дошкольных учреждений и родителей.

УДК 370
ББК 74. 03(3)

© Песталоцци И., 2009
© Карапуз, 2009

Содержание

Вступительное слово	6
О раннем развитии детей	11
Как Гертруда учит своих детей	11
Письмо первое	11
Письмо шестое	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Иоганн Генрих Песталоцци

Избранное

© Оформление. ООО Издательский дом «Карапуз», 2009

© Калинин А.В., составление, вступительная статья, примечания,
2009

Вступительное слово

Всю свою жизнь знаменитый швейцарский педагог Иоганн Генрих Песталоцци (1746–1827) посвятил детям. Он воодушевленно занимался их обучением, воспитанием и развитием. Песталоцци не был теоретиком педагогики – свои идеи он находил и совершенствовал в практике работы с детьми. Весь его педагогический опыт строился на уверенности в том, что ребенок должен вырасти здоровым, умным, доброжелательным, честным, отзывчивым, порядочным человеком, добиться успехов в профессиональной сфере, то есть стать гармоничной, всесторонне развитой личностью. Он утверждал взаимосвязь трудового, физического, умственного и нравственного воспитания, говорил о том, что начинать развивать ребенка нужно как можно раньше. Песталоцци говорил о воспитании как о создании благоприятных условий для социализации ребенка, что полностью соответствует современным взглядам на обучение.

Несмотря на то, что семья Песталоцци жила небогато, Иоганн Генрих получил образование, которое было доступно только детям знатных семей Цюриха. Он окончил начальную школу, где занимался чтением, письмом, элементарным счетом, заучивал наизусть молитвы. После поступил в среднюю латинскую школу, в которой изучал древние языки и религиозные тексты. Продолжил свое образование в гуманитарном коллегиуме и высшей школе, коллегиуме¹ Каролиниум².

Песталоцци рано лишился отца. Воспитанный матерью и няней в любви и заботе, он вырос очень добрым и отзывчивым человеком. По своему характеру склонный к состраданию, проникнувшись гуманными идеями великих философов-просветителей, он искал себе занятие, которое могло бы принести пользу обществу: пробовал себя в профессиях юриста и священника, затем решил стать сельским хозяином. Свое поместье он хотел превратить в образцовое, чтобы своим примером обучить крестьян новым, усовершенствованным способам ведения сельского хозяйства.

Желание научить крестьян обеспечивать себе достойную жизнь привело его к созданию трудовой школы для бедных детей в своем поместье Нейгофе (1774–1780). Песталоцци обучал воспитанников чтению, письму, счету, а ремесленники учили их прясть и ткать. В Нейгофе педагог утвердился в идее всестороннего развития детей, в необходимости построения обучения в соответствии с законами природы. Он признавал природу лучшим учителем, но утверждал, что нельзя ждать, когда способности сами проснутся в ребенке, – необходимо увидеть и развить его природные задатки, стимулировать механизмы развития, заложенные в человека природой. Однако этот первый педагогический опыт оказался неудачным, так как дети не могли окупить приют, у Песталоцци же не оставалось денег, чтобы их содержать. Он разочарился, и школу пришлось закрыть.

Почти 20 лет Песталоцци не удавалось вернуться к работе с детьми. Именно в это время он начал описывать свои подходы к организации обучения, чаще всего в письмах к друзьям и политикам, с призывом признать правильность его взглядов на образование и оказать материальную поддержку. Письма «Просьба к друзьям человечества и покровителям о милостивой поддержке учреждения, имеющего задачей дать бедным детям воспитание и работу в сельской местности» (1775), «Письма г-на Песталоцци к г-ну Н.Э.Ч. о воспитании бедной сельской

¹ Учебное заведение в XVI–XVIII вв. в Западной Европе. Преподавались «семь свободных искусств» и богословие, изучались также латинский и греческий языки, давались в небольшом объеме сведения по литературе, географии и истории. (Прим. ред.)

² Каролиниум был в середине XVIII века центром просветительского движения в Цюрихе, основанного на идеях Ш.Л. Монтескье, Дж. Локка, Ж.Ж. Руссо, И.Г. Гердера и других сторонников создания свободного общества. (Прим. ред.)

молодежи» (1777) и др. были опубликованы и приобрели известность. И.Г. Песталоцци писал о необходимости всестороннего развития личности, о невозможности подготовить детей к работе без формирования у них элементарных знаний по математике и языку. Невозможно повысить производительность, если работники не будут понимать значимость их деятельности, экономно относиться к сырью, искать рациональные пути работы. Для этого необходимо обладать знаниями, хорошим физическим здоровьем, добросовестно относиться к труду. Эти требования определяют подходы к обучению бедных крестьянских детей.

Идеи Песталоцци часто оставались непонятыми его современниками. В занимательной форме басен он пытается обратиться к обществу с призывом уделять больше внимания подрастающему поколению. И.Г. Песталоцци создает серию басен «Фигуры к моей азбуке, или к начальным основам моего мышления (басни)». Работа над баснями велась в течение десяти лет, приблизительно с 1780 по 1790 г. Всего было написано 237 басен, на русский язык переведены лишь некоторые из них. Часто басни имеют двойной смысл. Это не только обличение общества, но и высмеивание неправильных, неэффективных способов обучения.

Смысл басен перекликается с главным произведением И.Г. Песталоцци, романом «Лингард и Гертруда», первая часть которого была опубликована в 1781 г. Роман неоднократно перерабатывался в течение всей жизни автора. Каменщик Лингард и его жена Гертруда – идеальная крестьянская семья, заботящаяся о своих детях. Гертруда не только учит их домашней работе, шитью и прядению, но и занимается с ними чтением и арифметикой. Счетом и вычислениями дети овладевают, считая нитки и стежки, увеличивая или уменьшая их количество и т. д. Так занятия не отвлекают детей от работы. Вечерами они с удовольствием читают и обсуждают с матерью книги (религиозные, нравоучительные), беседуют о произошедшем за день, рассуждают, правильно ли они поступали по отношению к другим людям. Всего лишь внимание, уделяемое детям, позволяет родителям не только обучить их профессии, но и умственно и нравственно развить. Этот пример актуален и в наше время: гармоничное воспитание ребенка основано на общении родителей с детьми, совместном труде и играх.

Литературная деятельность принесла Песталоцци широкую известность. В 1798 г. правительство предложило педагогу организовать в Станце приют для сирот. Период работы в приюте (1798–1799) был наиболее сложным временем в жизни Песталоцци. В «Письме к другу о пребывании в Станце» (1799) он подробно рассказывает, что ему приходилось одному заниматься воспитанием 80 детей, истощенных голодом и болезнями. Несмотря на то, что приюту не хватало средств на существование и через полгода он был закрыт, а самому педагогу (Песталоцци в приюте пришлось быть еще и директором, поваром, служителем, учителем) после закрытия приюта требовался продолжительный отдых, метод обучения был реализован, он показал свою практическую состоятельность: всего за несколько месяцев дети прилежно занимались к учебе и прониклись благодарностью к учителю.

Ученики приюта испытывали большие трудности при изучении языка, арифметики и других наук, поэтому И.Г. Песталоцци постоянно подбирал новые, более эффективные педагогические подходы. Надо заметить, что его педагогические взгляды формировались под влиянием философских учений той эпохи. Несмотря на то, что сам он никогда не считал себя философом и не писал философских трудов, на него, несомненно, повлияли идеи эпохи Просвещения. Философия во времена И.Г. Песталоцци основывалась на культе науки и механистического мировоззрения. Законы механики И. Ньютона, Г.В. Лейбница и др. были возведены в ранг всеобщих, и на их основе разрабатывались учения о природе, человеке, обществе. Возникают убеждения в рациональном устройстве мира, положения о том, что все мироздание можно разложить на составляющие его элементы, такие же определенные, как геометрические линии и фигуры. Поэтому основой обучения в приюте стал принцип от простого к сложному, то есть обучение начиналось с овладения простейшими элементами (единицей, линией, звуком). Обязательным средством обучения при этом являлась наглядность. Дети должны были

отсчитывать по единице, уметь рисовать линии, слышать и воспроизводить каждый звук языка. Поиск элементарных подходов обучения позже стал делом всей жизни И.Г. Песталоцци и позволил сделать немало открытий в области педагогики, которые и сегодня остаются прогрессивными.

С 1799 г. Песталоцци начинает преподавать в школах Бургдорфа. Он не имел возможности строить обучение по своей системе и был вынужден постоянно доказывать целесообразность новшеств, вводимых им в традиционное образование. В этот период он создает большое количество педагогических трудов. Песталоцци старается осмыслить и теоретически обосновать свой практический опыт работы с детьми. Его произведения эмоциональны, он часто переходит с одной мысли на другую, как будто хочет все скорее записать, ничего не упустить, и от этого часто противоречит себе. Так, справедливо доказывая целесообразность использования учебного материала как средства развития умственных способностей, предлагает упражнения, требующие заучивания, а не осмысления фактов действительности.

Но вот, когда в Бургдорфе открывается средняя школа с интернатом и при ней отделение для подготовки учителей, Песталоцци предлагают возглавить это отделение. Это доказывает, насколько прочно уже тогда его метод утвердился в педагогике. В период своего преподавания в Бургдорфе И.Г. Песталоцци создает теоретические труды: «Как Гертруда учит своих детей» (1801), «Памятная записка парижским друзьям о сущности и цели метода» (1802), «Фрагмент об основах образования» (1803), «О значении чувства слуха в связи с использованием звука и языка в обучении» (1804), «Светская женщина и мать» (1804) и др. В них он впервые в педагогике говорит о том, что обучение необходимо строить с учетом психологических закономерностей. Это стало открытием фундаментального направления педагогики. Понимание того, что обучение должно основываться на психологических теориях и положениях, является точкой отсчета для построения современных систем обучения.

В 1801 г. выходит в свет книга Песталоцци «Как Гертруда учит своих детей», первым названием которой было «Изложение нового метода воспитания». Произведение состоит из 14 писем, адресованных цюрихскому книготорговцу и издателю Генриху Гесснеру (1768–1813). В письмах приводятся размышления о педагогической деятельности И.Г. Песталоцци, обоснование целесообразности использования его метода.

Это произведение имеет огромное значение для современной практики раннего развития ребенка. В нем И.Г. Песталоцци говорит о пробуждении духовных сил детей при помощи «полного усвоения основных начал». Он пишет: «Учебник ребенка – его жизненные впечатления. И роль родителей ненавязчиво направлять эти впечатления, делая их более разнообразными и исподволь раскрывая перед ребенком красоту и гармонию мира». Он описывает свой опыт работы с детьми, который направлен на развитие наблюдательности, умения сравнивать, рассказывать о своих впечатлениях. В этом педагог видит основу развития ребенка. Он подчеркивает, что обучать ребенка в соответствии с «естественным путем познания» нужно с младенчества.

В настоящее время доказано, что обучение должно начинаться с первичного восприятия объекта, формирования представления о нем и переходить к изучению подлинно научных понятий, выраженных в слове.

Песталоцци не ставит целью тренировать механизмы восприятия окружающего: они, по его мнению, развиваются в процессе осознанного, глубокого изучения мира. Так, он описывает ситуацию, когда детям показывается картинка и ставится условие ее внимательного рассмотрения. Это делается не для того, чтобы развить внимание ребенка, а для того, чтобы ученик мог увидеть все важные подробности картинки. Песталоцци отмечает, что внимательность детей, с которыми он занимался подобным образом, значительно возрастала.

Ключевое значение имеет мнение Песталоцци о том, что через обучение, ознакомление с предметами и явлениями мира у ребенка развиваются умственные способности. Это положение

ние смогли по достоинству оценить только в наше время, и оно сыграло важную роль в педагогике. Были открыты закономерности развития психических процессов: восприятие – первый процесс, появляющийся у ребенка, и только через восприятие развивается мышление и речь. Это открытие подтвердило идею, высказанную великим педагогом еще в XVIII в.

Однако сам И.Г. Песталоцци видел развивающую роль обучения только на начальных этапах, когда ребенок начинал знакомиться с окружающим миром (сразу после рождения) и когда приступал к изучению основ наук. По его мнению, в этот период в ребенке развивается способность к самообучению, к самостоятельному обобщению фактов действительности. Для более глубокого изучения науки он считал достаточным дать детям наглядный материал, относящийся к этой науке. В его методике не предусматривается изучение общих правил, определений, без которых приобретенные наглядные представления остаются бессистемными, поверхностными³.

Например, автор предлагает детям, умеющим хорошо говорить, до автоматизма повторять звуки и их сочетания. Это нецелесообразно. Не менее странно звучит в наше время и предложение заучивать названия городов в алфавитном порядке. Изучение счета у И.Г. Песталоцци основывается на запоминании образов числа, состава числа и не предусматривает обучение алгоритмам выполнения арифметических действий. В последствии такие подходы привели к широкому внедрению метода обучения математике, основанного на заучивании. Этот метод осуждали многие педагоги уже в конце XIX века.

Многие произведения И.Г. Песталоцци пишет для матерей, настаивая, чтобы именно они занимались образованием детей. Он говорит о том, что заботливая и любящая мать может сделать для развития ребенка больше, чем учитель, подчеркивает роль матери в формировании «зародыща любви», воспитании нравственных качеств. В произведении «О значении чувства слуха в связи с использованием звука и языка в обучении» И.Г. Песталоцци рассуждает о значении речевого развития и роли матери в усвоении ребенком значений слов и правильном построении высказываний.

В 1805 г. И.Г. Песталоцци переводит свой институт в Ивердон. К этому времени вокруг него собрались педагоги-единомышленники, которые преподавали по разработанному им методу и обучали молодых учителей. В Ивердоне И.Г. Песталоцци открывает, как сказали бы современным языком, целую лабораторию: работали начальная и средняя школы, при институте был открыт учительский семинар. Перенимать опыт обучения детей приезжали из разных стран Европы, в том числе из России.

От преподавателей И.Г. Песталоцци требовал осуществления всестороннего воспитания детей. Особое внимание уделялось нравственному воспитанию. Каждый учитель должен был заботиться о детях, есть с ними за одним столом, спать в их комнате, принимать участие в их играх и, не прерывая обычного течения жизни, реализовывать задачи воспитания.

Во время работы в Ивердонском институте (1805–1827) И.Г. Песталоцци создает книги «Азбука наглядности, или Наглядное учение об измерении» и «Наглядное учение о числе» – справочники по выполнению операций с целыми и дробными числами. Автор подробно излагает математические выражения и их значения с целью наглядно продемонстрировать преобразования величин. Здесь опять наблюдается противоречие между теоретическими положениями метода И.Г. Песталоцци и его подходами к обучению детей математике (а также языку, географии, истории и т. д.).

«Книга для матерей, или Способ учить дитя наблюдать и говорить» создавалась И.Г. Песталоцци вместе с преподавателем Бургдорфского института Германом Крюзи в период 1801–1804 гг. По первоначальному замыслу существенную часть «Книги матерей» должны

³ В связи с этим в книге представлены те отрывки из произведений И.Г. Песталоцци, в которых раскрываются эффективные, по мнению большинства современных ученых, подходы к раннему развитию и обучению детей. (Прим. сост.)

были составлять раскрашенные картинки с краткими подписями. Несмотря на то, что много таких наглядных таблиц было уже выполнено по заказу Песталоцци, в процессе работы над книгой он от этой мысли отказался и, стремясь познакомить детей с природой непосредственно, без помощи картинок, положил в основу книги наблюдения ребенка над его собственным телом.

Это произведение подверглось критике еще при жизни автора за излишне детализированное описание человеческого тела и его возможностей: говорилось о том, что такие подробные сведения нужны только «стригушим овец и анатомам». Однако И.Г. Песталоцци был прав в том, что детям необходимо подробно объяснять назначение частей тела, хотя бы потому, что в его времена такие знания имели далеко не все взрослые. Книга должна была в первую очередь познакомить матерей с частями человеческого тела, научить правильно их называть, помочь изучить их свойства и функции с тем, чтобы они могли передать свои знания детям. Сегодня благодаря системе школьного обучения все знакомы с предметами и явлениями, описанными автором, но интерес для современного читателя в этом произведении Песталоцци представляют его рассуждения о том, *как* нужно учить детей, на что следует обратить особое внимание. Кроме этого, необходимо заметить, что детям следует давать разъяснения о мире именно так подробно, как это делал Песталоцци.

Работая в Ивердоне, И.Г. Песталоцци много пишет и издает. Его труды «Взгляды, опыты и средства, содействующие успеху природосообразного метода воспитания» (1806), «Памятная записка о семинарии в кантоне Во» (1806), «О народном образовании и индустрии» (1806) и др. значительно обогатили педагогическую науку. Последним произведением Песталоцци стала «Лебединая песня» (1826), в которой он подводит итог своей педагогической деятельности, подробно описывает свой метод, обосновывает его, показывает его достоинства при осуществлении педагогической практики и рассуждает о трудностях его использования, раскрывает недостатки.

И.Г. Песталоцци до конца жизни был убежден в правильности своего метода. Может быть, именно эта вера в правильность выработанных им подходов, а может, бесконечная любовь к детям помогли ему, несмотря на все трудности, доказать необходимость раннего всестороннего развития ребенка.

О раннем развитии детей

Как Гертруда учит своих детей

Письмо первое

Час рождения ребенка есть первый час его обучения. С той минуты, когда его чувства стали восприимчивыми, с этой минуты начинает учить его природа. Сама жизнь есть не что иное, как только что пробудившаяся способность воспринимать впечатления; она есть не что иное, как пробуждение созревших физических ростков, которые теперь изо всех сил, всеми

отпрысками стремятся к развитию и самообразованию; она есть не что иное, как пробуждение сформировавшегося теперь животного, которое хочет и должно стать человеком.

Всякое обучение людей, следовательно, есть не что иное, как искусство помочь этому естественному стремлению человека к развитию, и это искусство, в сущности, основывается на пропорциональности и гармонии впечатлений, усвояемых ребенком, со степенью развития его сил. Следовательно, неизбежно существует известная последовательность в тех впечатлениях, которые ребенок должен получить при помощи обучения; начало же и развитие этого ряда впечатлений должны идти нога в ногу с развитием сил ребенка. Таким образом, я скоро увидел, что исследование подобных рядов по всему кругу человеческих знаний и особенно по основным пунктам, которые служат точками отправления для развития человеческого ума, есть простой и единственный путь когда-либо получить настоящие книги для чтения и учебники, удовлетворяющие требованиям нашей природы и нашим потребностям. Я скоро также увидел, что при составлении подобных книг самое главное, собственно, должно заключаться в том, чтобы распределить составные части всякого обучения сообразно со степенью возрастания детских сил, и во всех отделах обучения определить с величайшей точностью, что из его составных частей соответствует каждому возрасту, чтобы, с одной стороны, не лишить ребенка того, к чему он вполне способен, а с другой – ничем не обременять и ничем не смущать его таким, к чему он не совсем способен.

Следующее стало для меня ясным: надо довести до высокой степени реальные (опытные) и формальные познания ребенка, надо научить его читать или хоть складам, прежде чем разовьется его разум; и вместе с этим заключением во мне созрело другое: дети в самом раннем возрасте нуждаются в руководстве, основанном на знании психологии, для разумного наблюдения над всеми предметами. Но так как подобное руководство немыслимо в людях, каковы они есть, без содействия искусства и нечего его ожидать, то, естественно, я должен был подумать о необходимости книг для наглядного обучения, которые бы предшествовали азбукам, чтобы при помощи хорошего подбора существующих предметов в их натуральном виде или в виде искусно сделанных моделей и рисунков сделать для детей, благодаря этой наглядности, ясными те понятия, с которыми хотят их познакомить при посредстве языка. Счастливый опыт самым очевидным образом подтвердил мое незрелое мнение об этом предмете, при всей ограниченности моих средств и при неправильности и односторонности осуществления моей попытки. Одна чувствительная мать вверила мне лично для обучения свое едва еще трехлетнее дитя⁴. Некоторое время я ежедневно наблюдал его по часу; я пробовал учить его с помощью букв, фигур и всего, что было под рукой, т. е. при помощи всего этого возбудить в нем определенные понятия и добиться от него суждений. Я заставлял его точно называть все известное ему в какой-нибудь вещи, например цвета вещи, части, положение, вид и число. Я даже должен был оставить источник первых мучений юности, злосчастные буквы, – он хотел одних только картин и предметов и скоро стал точно предъявлять те предметы, которые были в пределах его знания. Он находил на улице, в саду и в комнатах материал для своих сведений и скоро дошел до того, что стал правильно произносить даже труднейшие имена растений и животных, сравнивать совершенно неизвестные для него предметы с известными и таким образом порождать в себе определенный взгляд на них. Хотя этот опыт сильно сбивал с пути, содействуя чуждому и отдаленному в ущерб впечатлениям от нужного и близкого, однако он проливал свет на средства возбудить способности ребенка; но, с другой стороны, этот опыт по отношению к тому, чего я искал, был тем еще неудовлетворителен, что ребенок прожил уже целых три года в бездействии, а я убежден, что природа уже до этого времени дает детям точнейшие понятия о громадном количестве предметов. Нам только надо применить к этим понятиям искусствен-

⁴ Песталоцци ссылается на свой опыт обучения трехлетнего ребенка, предположительно Людвиг Фанкхаузера, в Бургдорфском институте. (Прим. сост.)

ную речь, основанную на данных психологии, чтобы сделать эти понятия в высшей степени ясными для детей и этим самым дать каждому ребенку возможность связать основные данные различных искусств и разнообразной деятельности с тем, чему научила его сама природа, а с другой стороны, воспользоваться тем, чему научила его природа, в качестве комментария ко всем основным данным искусства и действительности, которые ему будут даны. И то и другое, т. е. и сила детей, и их опытность, в этом возрасте уже велики; но наши антипсихологические школы, в сущности, не что иное, как машины для уничтожения всех результатов силы и опыта, пробужденных в них самой природой.

Ты знаешь это, мой друг. Но представь себе еще раз хоть на мгновение весь ужас этого убийства. Детям предоставляют до пятилетнего возраста вполне наслаждаться природой; дают каждому впечатлению, получаемому от природы, действовать на них; они чувствуют ее силу; они уже далеко зашли в наслаждении природной свободой и всеми ее прелестями, и свободный, естественный ход развития материально-счастливого дикаря уже принял в нем определенное направление. И после того, как дети целых пять лет наслаждались блаженством этой жизни, вдруг заставляют исчезнуть природу из их глаз; тиранически заставляют исчезнуть всю привлекательность непринужденности и свободы; как овец, сбитых в кучу, бросают их в какую-нибудь вонючую комнату; по целым часам, дням, неделям, месяцам и годам неумолимо держат их на рассматривании жалких, неинтересных и однообразных букв и на строе жизни, до такой степени отличном от прежнего их положения, что можно с ума сойти.

Больше не стану описывать, а то я перейду еще к изображению громадного числа учителей, тысячи которых в наши дни только по своей неспособности найти себе честный заработок каким-нибудь другим путем подчиняются тяжелым условиям этого состояния, но и в нем, пропорционально со своей неспособностью к чему-нибудь лучшему, они по большей части получают столько, сколько еле-еле хватает на то, чтобы спасти их от голодной смерти. Как неизменно много при таких обстоятельствах должны страдать дети или, по крайней мере, в каком они должны быть пренебрежении!

Друг! Скажи мне: мог ли удар меча, упавший на шею преступника и лишавший его жизни, произвести на его тело большее действие, чем то, которое производит на душу ребенка подобный переход от продолжительного, прекрасного руководства природы к жалкому ходу дела в школе? Неужели люди вечно будут слепы и никогда не дойдут до первоисточника, от которого происходят беспорядочность нашей души, разрушение нашей беспорочности, гибель наших сил и последствия всего этого, ведущие нас к неудовлетворяющей нас жизни, а тысячи из нас к смерти в госпиталях и к беснованиях в темницах и оковах?

Дорогой Гесснер! Как хорошо мне будет в могиле, если я хоть немного поспособствую ознакомлению людей с этими источниками. Как хорошо мне будет в могиле, если мне удастся так же тесно соединить природу и искусство в народном обучении, как насильственно они разъединены в нем в настоящее время! Ах, как это возмущает меня: ведь природа и искусство в этом обучении не только разъединены, они даже яростно враждуют в нем. Как будто какой-то злой дух в продолжение веков берег все это для нашей части света и для нашего века, чтобы наградить нас самым утонченным искусством производить этот адский разрыв, чтобы в этот философский век сделать нас бессильнее и несчастнее, чем был человеческий род когда бы то ни было и где бы то ни было вследствие самообмана, притязательности и самоослепления.

С какой охотой я забываю мир, где это происходит, и как хорошо я чувствую себя около моего дорогого, маленького Людвига, капризы которого заставляют меня самого глубже вникнуть в дух начальных книг для малолетних. Да, мой друг, они-то, собственно, и нанесут и должны нанести удар бессмыслию современного преподавания. Характер этих книг становится мне все яснее. Они должны исходить от самых простых составных частей человеческого знания; они должны глубоко запечатлевать детям существеннейшие формы всех предметов; они должны рано и отчетливо развивать в них первое понятие об отношениях чисел и мер; они

должны дать им умение выражать словом всю сумму их знаний и опыта, а также всюду и вполне заменять им первые ступени лестницы знаний, по которой сама природа приводит нас к приобретению всякого искусства и всякой силы.

Какой пробел составляет для нас недостаток этих книг! Нам недостает их не только в том случае, когда нам самим, при помощи собственного искусства, приходится давать все вышеупомянутое, но даже в том случае, когда нам и не приходится этого давать. Даже духа их, жизнью которого окружает нас вся природа, сама, без нашего содействия, даже этого духа у нас нет, и мы сами себя насилуем, угашая в себе нашими жалкими народными школами и односторонним словесным ученьем последний след пламенного резца, которым природа хочет запечатлеть в нас этот дух.

Но я снова возвращаюсь к своему пути.

Изыскивая, с одной стороны, первоначальные практические способы для согласного с психологией развития человеческих сил и способностей начиная с колыбели, а с другой стороны, принужденный в то же самое время обучать детей, которые до тех пор развивались и воспитывались совершенно не в духе этих взглядов и этих средств, я, естественно, впадал в своей практике во многие противоречия с самим собою: я прибегал и должен был прибегать к таким мерам, которые, казалось, вполне противоречили моим взглядам и в особенности психологической последовательности в приобретении реальных и формальных познаний, на основании которой должны были развиваться детские понятия. Я не мог поступить иначе, я должен был ощупью узнавать в детях степень их сил, основание которым сам я не мог положить в них. Я делал это всеми способами, которые только были возможны, и постоянно находил, даже под мусором самой величайшей заброшенности, силы более развитые, чем казалось мне возможным при громадном недостатке у них всякого искусственно полученного знания и всякой искусственно развитой способности. Поскольку люди имели на них влияние, я находил у них необыкновенное бессилие; но и за этим бессилием природа все-таки не была убита. Теперь я это испытал и могу в настоящее время сказать: много, неизмеримо много пройдет времени, прежде чем заблуждение и безумие человеческого рода совершенно истребит природу в уме и сердце какого-нибудь ребенка. Бог вложил в душу противодействие нашему неистовству в отношении собственной личности. Жизнь и правду всей природы, парящей вокруг нашего бытия, поддерживают и это противодействие, и вечная благосклонность Творца, который не хочет, чтобы святое в нашей природе погибло от нашей слабости и от нашего неведения, а хочет, чтобы все сыны человеческие до тех пор, наверно, достигали познания истины и права, пока они сами от себя не потеряют свое природное достоинство, пока по собственной вине и вполне сознательно не запутаются в лабиринте заблуждения и в пучине порока. Но большинство современников едва ли знают, что Бог для них делает, и не придают никакого значения громадному влиянию природы на наше воспитание; напротив, они сберегают всякую крупницу, которую они глупо и некстати прибавляют к великому действию природы, как будто их искусство все значит для человеческого рода, а природа – ничего; и тем не менее одна только природа и делает нам добро; она одна неподкупно и бестрепетно ведет нас к истине и мудрости. Чем более я шел по ее следам, стараясь связать свои действия с ее действиями, и чем более напрягал свои силы, чтобы соразмерять свой шаг с ее шагом, тем более громадным казался мне этот шаг; но в той же мере громадной казалась мне и способность ребенка следовать за нею. А следовало только взвалить на повозку, которая в себе самой заключает способность двигаться, или когда надо было лишь вызвать из детской души то, что в ней заключено, надо было лишь пробудить это в ней, а не в нее вкладывать. Теперь я стал трижды передумывать, прежде чем насчет чего-нибудь решать, что дети этого не могут сделать, и 10 раз стал передумывать, прежде чем высказать: для них то или другое невозможно.

Они делали то, что мне самому казалось невозможным для их возраста. Я заставлял трехлетних детей читать по складам бессмысленнейшую галиматью только потому, что это было до

безумия трудно. Друг! Ты слышал, как дети, не достигшие еще четырех лет, наизусть произносили длиннейшие и труднейшие предложения. Счел ли бы ты это возможным, если бы сам этого не видел? Точно так же я заставлял их заучивать целые листы, наполненные географическими именами и написанные с самыми сильными сокращениями, и читать самые незнакомые слова, обозначенные только двумя буквами, в то время, когда они едва лишь по складам читали печатное. Ты сам видел, как правильно они читали эти листы и как легко выучивали их наизусть. Я даже делал попытку пояснять некоторым детям постарше очень запутанные и для них совершенно непонятные предложения из естественной истории. При помощи пересказа и чтения они выучивали эти предложения наизусть, а также и вопросы, которые разрешались этими предложениями. Вначале это было, как и всякое катехизирование⁵, простым попугайским повторением темных, непонятных слов. Однако резкое разграничение отдельных понятий, определенный порядок в этих разграничениях, вполне усвоенное и глубокое знание этих темных слов, но в самой своей темноте дающих нечто подобное свету и объяснению, постепенно все более приводили их к сознанию истины и к уразумению данного предмета, проглядывавшим постепенно, как солнечный луч из самого густого облака.

При подобного рода первоначальных опытах, при этом хождении впотьмах, при этом смешении неправильных мер и ясных понятий насчет своих целей, во мне самом мало-помалу развивались определенные взгляды на собственное дело. Мне с каждым днем становилось яснее, что в раннем возрасте вовсе не следует резонерствовать с детьми, а надо ограничиться следующими средствами для их умственного развития:

- a.** как можно более расширять круг их наблюдений;
- b.** прочно и систематически укреплять в них наблюдения, ими усвоенные;
- c.** дать им обширное знакомство с языком для выражения словом всего того, с чем познакомили их и должны познакомить природа и человек.

В то время как, говорю я, эти три принципа⁶ с каждым днем становились для меня яснее, постепенно развивалось во мне и убеждение

- a.** в необходимости для первоначального возраста книг, приуроченных к наглядному обучению;
- b.** в необходимости определенного способа объяснять эти книги;
- c.** в необходимости основанного на этих книгах и на этом способе объяснения руководства для усвоения имен и слов, произносить которые дети должны уметь бегло, прежде даже, чем наступит время заниматься с ними складами.

Выгода раннего и быстрого усвоения обширной номенклатуры неоценима для детей. Прочное усвоение названий заставляет их удерживать в памяти самый предмет, как скоро они его узнают, и ряд названий, правильно скомбинированный, развивает и поддерживает в них сознание действительной связи предметов. Выгоды от этого прогрессивно увеличиваются. Никогда только не следует думать, что если ребенок в чем-нибудь не все понимает, так это для него совсем бесполезно. Известно, что если ребенок вместе с изучением азбуки и благодаря этому изучению сам усвоит себе звуковую сторону научной номенклатуры, то от этого он получает то же преимущество, которым пользуется ребенок в обширном торговом доме, с колыбели ежедневно узнающий названия бесчисленного множества предметов. <...>

⁵ Катехизис – общедоступный, изложенный в виде вопросов и ответов учебник исповедания христианской веры. Здесь «катехизирование» употреблено в значении «заучивание учащимися наизусть вопросов и ответов, без учета того, понимают ли дети смысл высказываний». (Прим. сост.)

⁶ В современной науке эти принципы называются «закономерностями формирования понятий». Во-первых, необходимо показать ребенку объект изучения, дать рассмотреть его, провести ладонью по поверхности, послушать издаваемые им звуки, попробовать на вкус и т. д. Во-вторых, помочь проанализировать объект, сравнив его с ранее известными аналогичными объектами, выделить существенное в объекте, обобщить, систематизировать и т. д. В-третьих, активизировать речевую деятельность ребенка, попросив его рассказать об этом объекте. (Прим. сост.)

Письмо шестое

Друг! Ты видишь, по крайней мере, старание, которое я прилагаю к тому, чтобы уяснить теорию своего дела. Поставь мне это в некоторого рода оправдание, если чувствуешь, что мое намерение мало удалось. Собственно, для философствования в истинном смысле этого слова я погиб уже с 20-го года моей жизни; к счастью, для практического осуществления моего плана мне не нужно было той философии, которая дается мне с таким трудом. По отношению ко всему, что я задумывал, я жил в кругу, в котором действовал до высшей степени напряжения моих нервов; я знал, чего хотел; я не заботился о завтрашнем дне, а относительно обстоятельств, особенно интересовавших меня, почти в каждое данное мгновение чувствовал то, что для них было существенно нужно. И если мое воображение толкало меня на сто шагов далее того места, где я находил твердую почву, то завтра я снова отступал на эти сто шагов. Это случилось со мной тысячи раз. Тысячи раз я считал себя ближе к своей цели и затем снова вдруг находил, что эта мнимая цель есть только новая гора, на которую я наталкиваюсь. В особенности так происходило со мною тогда, когда принципы и законы физического механизма начали все более уясняться для меня; теперь я стал думать, что в настоящее время ничего более не требуется, как просто применять их к тем отделам обучения, которые вековым опытом даны в руки роду человеческому для развития его способностей и на которые я смотрел, как на основу всякого искусства и всякого знания, т. е. применять их к обучению письму, чтению, арифметике и т. п.

Но по мере того как я думал об этом, во мне постепенно развивалось убеждение, основанное на все увеличивающемся опыте, что на эти отделы преподавания вовсе нельзя смотреть как на основы искусства преподавания, что они, напротив, должны быть подчинены более общим взглядам на предмет. Сознание этой важной для преподавания истины долго являлось мне только в связи с той или другой специальностью, к которой относился тот или другой опыт.

Так, при обучении чтению я находил необходимым подчинить его умению говорить; и при своих стараниях найти средство научить детей говорить, находил основание к соединению этого искусства с теми последовательными ступенями, по которым природа переходит от звука к слову и от этого последнего лишь постепенно к языку.

При своих стараниях научить детей письму я наталкивался на потребность подчинить это искусство рисованию, а при старании научить рисованию находил необходимым связать с умением измерять это последнее искусство и подчинить его умению измерять. Даже обучение складам развивало во мне потребность в книге для первоначального возраста, посредством которой я рассчитывал сделать фактические познания трех-четырехлетних детей более обширными, чем познания семи-восьмилетних школьников. Но эти опыты, которые, конечно, приводили меня к тем или другим практически определенным, вспомогательным приемам обучения, все-таки дали мне почувствовать, что я не знаю еще своего предмета во всем его истинном объеме и во всей его глубине.

Я долго искал общий психологический первоисточник всех этих искусственных приемов обучения, так как я был убежден, что только через это можно найти ту форму, которая назначена самой природой для развития человечества; было очевидно: эта форма имеет свои корни в нашей умственной организации, при помощи которой наш разум в своем представлении приводит к единству те впечатления, которые чувства получают от природы, т. е. формирует в понятия, а эти понятия затем развивает до значительной степени ясности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.